

Если бы с лица Земли исчезли пчелы,
человечество просуществовало бы
всего четыре года.

Альберт Эйнштейн

АКТ I

Будущее уже не то,
что было прежде

1

Что сейчас произойдет?

15 июля 1099 года.

— Приготовиться! Через несколько мгновений брызнет пламя, кровь — и вы обретете славу! — гроыхает могучий голос.

Мне страшно.

Над равниной встает лиловое солнце, его лучи пронзают серебристо-серый туман.

Тысяча четыреста сорок всадников, скованные толстыми стальными доспехами, обильно смазанными маслом, словно приросли к седлам взмыленных скакунов. Они воодушевлены и при этом слегка взволнованы тем, что произойдет мгновение спустя.

Перед ними высятся неприступные крепостные стены.

Они ждут повеления своего полководца.

Поднимается ветер, трепещут стяги и штандарты. В небе с карканьем вьются стаи нетерпеливых ворон.

Один всадник особенно заждался.

Скорее бы рукопашная! Сил нет! — изнывает он.

Всадник с трудом удерживает на месте коня, тот шумно выдыхает пар, перебирает копытами — уж очень ему не терпится галопом ринуться вперед.

Рыцарь на коне сжимает рукоять меча.

Я сражаюсь за тебя, матушка.

Ему вспоминается сон, в котором ангел говорил: «Завтра приготовься к великому свершению. Твоим поводом буду я».

Нет сомнения, что он силен благодаря материнской поддержке. А вот в поддержке ангела он не так уверен.

Что бы ни случилось, я обязан победить.

Но тут выясняется, что к нему пожаловала гостья: пчела, описывавшая зигзаги перед его забралом, наконец уселась на единственную горизонталь шлема — прямо перед глазной прорезью.

Всадника, готового смахнуть насекомое, посещает внезапная мысль:

Не хватало ее взбесить! Как залетит внутрь шлема да как укусит...

Поэтому он замирает, отчаянно косясь на неожиданную гостью. Пчела топорщит усики, трепещет крылышками.

От ее жужжания гудит весь железный шлем.

До всадника доходит, что ее влечет: *матушкины духи!*

Много лет тому назад мать подарила ему флакон духов с запахом роз. С тех пор всякий раз, когда ему хочется ощутить близость матери, он наносит каплю этих духов на свой шейный платок.

Ясное дело, пчела принимает меня за медоточивый цветок.

Он дует на пчелу, кривя губы, чтобы потоком воздуха выгнать ее из шлема.

Прочь, негодница, лети дальше! Нашла время!

Он непроизвольно делает жест, чтобы прогнать незваную гостью, но добивается именно того, чего опасался: пчела летит — но не наружу, а внутрь шлема, в пространство между носом воина и забралом шлема. Теперь ее уже не выгнать.

О, нет, только не это!

Непохоже, чтобы у окружающих его рыцарей были те же трудности. Солнце тем временем из лилового становится оранжевым.

Всадник тянется к гостье, ползущей изнутри по забралу, кончиком языка. Та жужжит все пронзительнее.

Не хватало, чтобы она цапнула меня за язык!

Тут за его спиной раздается голос офицера:

— ПЛИ!

Скрип рычагов, шелканье веревок. Десятки катапульт со свистом мечут в небо круглые камни. Тяжелые снаряды описывают дугу и врезаются в крепостную стену. Как ни тяжелы удары, стена их выдерживает, значительных проломов нет. Противник, маячащий наверху, среди зубцов, встречает жалкий результат обстрела радостными криками и оскорблениями на своем тарабарском языке.

— Двигаться вперед, обстреливать башню! — отдает приказ офицер.

Трубит труба.

Это еще не сигнал к наступлению кавалерии, пока что работает только артиллерия. Катапульты подползают ближе к стенам.

В шлеме рыцаря ни на мгновение не стихает пчелиное жужжание. Он застыл, не может ни поднести руку к шлему, ни высунуть язык.

Пошла вон!

Он подумывает, не попробовать ли снять шлем, пока солдаты перезаряжают катапульты. Подбородник шлема держится на кожаном шнурке с тугим узлом. Пока он будет развязывать этот узел, а потом снова завязывать, стену, чего доброго, проломают, и за этим успехом без промедления последует приказ «в атаку»...

Пчела спокойно ползает внутри шлема. Вот она приближается к его левому уху, принимая ушную раковину с серой за венчик цветка, полный пыльцы. Жужжание насекомого становится все назойливее, рыцарь ежится.

Пчела узнает аромат, но никак не поймет, что за странная роза ей попалась. Возвращаться в улей ни с чем ей совсем не хочется, поэтому она выбирается из уха и продолжает обследование небывалого цветка.

Всадник чувствует, как насекомое ползет вверх по его затылку, как застрекает между его волосами и верхушкой шлема и там принимается жужжать с утроенной силой.

Все-таки придется сдернуть шлем.

Он снимает перчатки и начинает возиться с узлом, но поди, развяжи его! У рыцаря дурная привычка обгрызать ногти, а это как раз та ситуация, когда ногти пришлось бы кстати. Тем временем у него за спиной звучит приказ:

— ЗАРЯЖАЙ! — И почти сразу же: — ПЛИ!

Высоко в небо взмывают круглые камни. Рассеивается пыль, взорам предстает аккуратный пролом в стене. Тысяча четыреста сорок глоток издают ликующий вопль, двенадцать тысяч пехотинцев за спинами конных рыцарей тоже не молчат. Пожелтевшее солнце палит что есть мочи.

— НА ПРИСТУП! ГОСПОДИ, СПАСИ! — вопит офицер.

Поет труба, ей вторят рожки. Рокочут барабаны, задавая ритм, пехота наступает, выставив вперед копыя и пики, тащит длинные лестницы и тараны.

Ну, теперь держись, пчела, я пускаюсь вскачь!

Всадник снова натягивает перчатки, прищпоривает коня, берет поводья левой рукой, той же, в которой держит щит, а правой вытаскивает из ножен меч и подхватывает вместе со всеми клич:

— ГОСПОДИ, СПАСИ!

Он уже несется к стене, усеянной врагами, но при этом его не покидает мысль:

Куда делась пчела?

А та тем временем ползет по его веку. Напуганная суматохой и нарастающим гвалтом, она отчаянно паникует и, подчиняясь рефлексу, всаживает в веко свое жало.

Всадник истошно кричит от боли, но боевой конь уже перешел в галоп, ничто не может прервать его бег в направлении высоких белых стен, даже отравленная игла,

глубоко воткнувшаяся в глаз наездника, как колючка в спелую виноградину.

Что до самой пчелки, лишившейся единственного оружия — жала, то и она в смятении:

Со мной-то что теперь будет?

2. МНЕМЫ¹. ТРИ ЦЕЛИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Мы рождаемся для трех целей:

1. Познание.
2. Эксперимент.
3. Исправление.

3

— А вы, что будет в будущем с вами?

Рене Толедано вглядывается в сидящую напротив него публику. Из полутьмы ему внимают четыреста пятьдесят зрителей.

— Если у вас есть желание узнать о наилучшем пути вашей собственной эволюции, то я могу предложить вам новый эксперимент. При первой медитации с сопровождением я дал вам пережить во сне вашу молодость, при второй — открыть одну из ваших прежних жизней, а теперь предлагаю третью, еще более оригинальную медитацию. Кто хочет повстречать того или ту, кем он или она станет, к примеру, через тридцать лет?

По залу пробегает одобрителный шепоток.

— Тогда закройте глаза... Дышите... Расслабьтесь... Напоминаю: если вы употребляли спиртное, принимали медикаменты, воздействующие на мозг, или наркотики,

¹ Мнемa — богиня памяти, а также одна из основ «мнемизма», учения физиолога Рихарда Земона: способность живой клетки впитывать, сохранять и передавать впечатления. *Здесь и далее прим. переводчика.*

если у вас депрессия или вы в гневе, то лучше воздержаться от участия в этом сеансе медитации.

Никто не реагирует на это предостережение.

— Хорошо. Представьте, что вместо спуска по лестнице, ведущей в коридор ваших прошлых жизней, вы поднимаетесь по лестнице, приводящей в коридор будущих лет... Перед вами двери, на них цифры... Каждая цифра обозначает количество лет в будущем. Десять — десять лет, двадцать — двадцать, тридцать — тридцать... Откройте именно эту дверь. За ней вы попадаете в тот же самый мир гармонии: в залитый солнцем весенний сад с большим деревом посередине. У подножия дерева вы видите человека в белой тунике. Все вы видите разных людей, потому что этот человек — вы сами, прибавившие тридцать лет.

Рене Толедано запускает пятерню в свою каштановую шевелюру, поправляет на носу очки в тонкой позолоченной оправе. В свои тридцать три года он, бывший учитель истории, освоился наконец в новой для себя роли — гипнотизера, выступающего на публике. На нем джинсы, черная футболка, черный пиджак и мягкие черные туфли без шнурков. Он неторопливо продолжает:

— ... Вы чувствуете, что этот человек, то есть вы сами в будущем, наделен мудростью, которой вам самому пока еще недостает...

Рене Толедано делает глубокий вдох.

У него за спиной на черном бархатном занавесе висит огромный, больше метра в диаметре, зеленый глаз.

Рене проникновенно вещает в микрофон, его голос эхом разносится по всему залу:

— Вот вы приближаетесь к себе будущему... Приветствуете этого человека... Говорите с ним... Спрашиваете, что бы он вам посоветовал сделать для достижения его уровня личностного расцвета... Он — или она — искренне хочет вам помочь... Он — или она — дает вам совет. Это

простая короткая фраза, новая мысль, никогда еще не приходившая вам в голову: она позволит вам легче достичь этого счастливого состояния... Впустите ее в себя!

Рядом с Рене Толедано играет на арфе Опал Этче-гоен, молодая женщина с длинными рыжими волосами и с большими зелеными глазами, подведенными, как у Клеопатры. Касаясь кончиками пальцев струн, она извлекает из них неспешную нежную мелодию. На ней платье цвета морской волны, обсыпанное блестками, что мерцают, как звездочки в ночи. Высокий разрез платья демонстрирует длинные стройные ноги в красных лаковых «лодочках».

— ... Вы ловите эту невероятную фразу на лету... Вы понимаете ее, вы ее запоминаете...

Рене и Опал выступают со сцены «Ящика Пандоры».

Эта баржа-театр, заодно служащая им жилищем, полностью сделана из дерева. Она крупнее и просторнее одноименной баржи, которую раньше использовала Опал для своего собственного гипнотического представления. С затянутых черным бархатом стен на зрителей смотрят сотни глаз.

Рене и Опал пустили все свои деньги на приобретение, обустройство и оформление этого зрительного зала, степенно плывущего по Сене.

На беду, молодую женщину с самого утра мучает фарингит. За час до начала представления она не могла отчетливо выговорить даже коротенькую фразу. При этом билеты на все 450 мест в зрительном зале были уже распроданы. Снаружи выстроилась очередь из надеющихся попасть на действие вместо тех, у кого в последнюю минуту возникли другие планы.

Не желая отменять представление, пара решила, что Рене выступит вместо Опал. Он возьмет на себя функцию провожатого, а его партнерша ограничится игрой на арфе.